

Как бы то ни было, в тот самый момент, когда Гермиона вернулась в настоящее, перед ней стоял мужчина. У него были самые глубокие зеленые глаза, которые Гермиона когда-либо видела, даже если он прятал их за толстыми стеклами очков, и даже если его неухоженные иссиня-черные волосы, казалось, требовали ее внимания. Гермионе удалось удержать взгляд шоколадно-карих глаз на его глубоких зеленых глазах, и она поняла, что смотрела бы на него еще долго, если бы не тот факт, что он резко прочистил горло и вывел ее из задумчивости, в которую она даже не осознавала, что впала, пока ее не вытолкнули из нее же.

Извините, мисс, - сказал он, и по той или иной причине тот факт, что он назвал ее "мисс", порадовал ее, ведь большинство людей, которые останавливали ее посреди дороги, чтобы задать вопрос или два, обращались к ней "мэм", - у вас есть время?"

Гермиона улыбнулась и ответила: "Полшестого", - не задумываясь и даже не взглянув на наручные часы, которые были на ней. Она была уверена, что это именно то время, ведь она только что посмотрела на часы, стоявшие посреди площади, и действительно, с того места, где она стояла, их было видно.

В этот момент ведьма-брюнетка моргнула и поняла, что раз она все еще видит часы в центре площади, то и этот молодой человек должен был их видеть, а значит, ему незачем было задавать вопрос, который он только что задал ей. Она направила на него свой взгляд, намереваясь задать ему этот вопрос, но в тот момент, когда шоколадно-коричневые глаза вновь сошлись с темно-зелеными, она увидела, как он улыбнулся, наклонил голову и сказал: "Спасибо, мисс".

Это заставило Гермиону замешкаться, и в тот момент она почувствовала себя настолько нерешительной, что не смогла повернуть голову в его сторону, даже когда он начал проходить мимо неё. Паралич, который она испытывала, длился ровно столько, сколько он находился в поле её зрения - а это включало и периферийное зрение, - потому что, как только он прошёл мимо неё, Гермиона снова смогла пошевелить головой.

Однако даже в этом случае брюнетка замешкалась, и прошла секунда-другая, прежде чем она смогла перевести взгляд за спину, хотя к тому времени, когда она это сделала, мужчина, который спросил у нее время, хотя мог бы проверить его сам, исчез, поглощенный толпой людей, которые шли за Гермионой, занимаясь своими делами.

Именно в этот момент она поняла, что чувство опасности покалывает ее. Может, Гермиона и не участвовала раньше в заданиях, где ее жизнь подвергалась опасности, - ей не разрешали из-за особой роли, которую, по словам наставника, она должна была играть, и он не хотел рисковать ею из-за этого, - но она наслушалась достаточно историй от своих коллег - в том числе от некоторых магглорожденных сирот, с которыми она выросла, - чтобы понять, что ей следует доверять своему чувству опасности.

И действительно, случившееся так ее встревожило, что на несколько мгновений Гермиона задумалась, не стоит ли ей отменить все планы на оставшуюся часть вечера, и не успела она опомниться, как уже открыла сумочку, которую держала при себе, намереваясь достать из нее мобильный телефон и отправить сообщение мужчине, с которым должна была встретиться, чтобы выразить свои сожаления.

Однако до этого дело не дошло, потому что как раз в тот момент, когда она собиралась обхватить пальцами правой руки корпус своего мобильного телефона, она заметила, что ее чувство опасности ослабло. Она снова сделала паузу на несколько мгновений, чтобы убедиться, что ничего страшного не произошло, и попыталась оглядеться вокруг, хотя и говорила себе, что молодой человек, попросивший время, скорее всего, использовал это для того, чтобы заставить ее заговорить с ним просто ради разговора.

Гермиона подавила желание вздохнуть, хотя и сказала себе, что это уже не в первый раз, и для юной брюнетки, которую в молодости дразнили кустистой бобрихой, никому не нужной, она должна была признать, что мужчины, робко подходящие к ней, потому что находят её симпатичной, - это очень хороший комплимент.

Спустя несколько минут ведьма-брюнетка возобновила прогулку и, ставя одну ногу перед другой, позволила своим чувствам расширяться перед ней. Ей было опасно использовать свою магию на этой довольно людной улице, но в то же время она говорила себе, что, даже если ее использование будет обнаружено слухами о заграждениях, которыми усыпано все лондонское Сити, она не думает, что блюстители порядка появятся из ниоткуда, чтобы провести расследование.